

СУПРУЖЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В НЕОФИЦИАЛЬНОМ МОЛОДЕЖНОМ БРАКЕ

Сравниваются супружеские конфликты в неофициальном и официальном молодежных браках. Установлено, что в неофициальном браке партнеры в большей степени проявляют агрессивность, выражая ее косвенно из-за большей неопределенности этих супружеских отношений и опасения несанкционированного с их стороны прерывания брака партнером. Агрессивность же супругов официального брака ниже и проявляется более определенно: явно и вербально. В неофициальном браке партнеры субъективно тяжелее воспринимают супружеские конфликты, считают их более частыми и полагают более длительным время конфликтного последствия.

Ключевые слова: неофициальный брак, «пробный брак», супружеские конфликты, «субъективная картина конфликта».

Известно, что одним из важных факторов, определяющих успех или неудачу брака, являются специфика восприятия супругами своих конфликтов и поведение в них (см.: [Обозов, Обозова, 1982; Тащѐва, 1987; Трапезникова, Иванова, 1981] и др.). Вместе с тем особенности супружеских конфликтов в неофициальном молодежном браке («пробном браке») не становились предметом специального научного психологического исследования за рубежом и в России. Под «пробным браком» мы принимаем этап жизненного цикла семьи, заключающийся в совместном проживании двух разнополых молодых людей в возрасте 18–25 лет, не связанных официальным супружеством или родственными отношениями, но связанных общностью быта, местом проживания и бюджетом, имеющих эмоциональные и сексуальные отношения. Как минимум один из партнеров такого брака надеется на дальнейшее узаконивание отношений супружества либо оба партнера еще не приняли окончательное решение на этот счет; если же партнеры считают свой неофициальный брак абсолютной альтернативой официальному союзу, то подобные отношения не рассматриваются нами в качестве «пробного брака». В контексте данной статьи понятия «неофициальный молодежный» и «пробный» брак рассматриваются нами как синонимичные.

Воспроизведем данные авторского эмпирического исследования супружеских кон-

фликтов в неофициальных молодежных («пробных») браках.

Задачи исследования:

1) выявление внешних поведенческих проявлений и характера восприятия («субъективной картины конфликта») супружеских конфликтов в парах, состоящих в неофициальном и официальном молодежных браках;

2) сравнительный анализ особенностей супружеских конфликтов в неофициальных и официальных молодежных браках.

Гипотезы исследования были следующими:

1) супружеские пары, состоящие в неофициальном и официальном молодежных браках, могут различаться по характеру внешних поведенческих проявлений в супружеских конфликтах;

2) супружеские пары, состоящие в неофициальном и официальном молодежных браках, могут различаться по характеру восприятия партнерами («субъективной картине конфликта») супружеских конфликтов.

Методика

Респондентами стали 100 супружеских пар в возрасте от 18 до 25 лет, со стажем брака до 5 лет, с разным уровнем образования, разных профессий, жители г. Ростова-на-Дону, бездетные. По критерию формы брака выборка была разделена на две груп-

пы: основную (50 пар, состоящих в пробном браке) и контрольную (50 официально зарегистрированных пар). Для всех респондентов этот союз был первым, ранее никто из них не имел опыта жизни в неофициальном или в официальном браках.

Методический инструментарий был представлен методиками, позволяющими исследовать особенности супружеских конфликтов (опросники А. И. Ташёвой «Атрибутивное сопровождение брака» и «Ретроспективная рефлексия конфликтов», фрустрационный тест С. Розенцвейга).

Опросник «Атрибутивное сопровождение брака» («АСБ») А. И. Ташёвой позволяет изучить эмоционально-оценочные, количественные и содержательные характеристики восприятия человеком себя и партнера по браку [Ташёва, 1987]. Автор опросника отмечает, что одной из основных характеристик самовосприятия и восприятия других людей является эмоциональная оценка, которая может варьировать от едва ли не абсолютно позитивной до крайних проявлений негативной. Эмоционально-оценочная характеристика восприятия человеком себя и других в целом названа А. И. Ташёвой генерализацией восприятия, которая является своеобразной призмой, позволяющей личности оценивать себя, близких, посторонних людей и людей вообще как личностей и как субъектов конфликтного взаимодействия. Эта перцептивная характеристика (без упомянутых крайних вариантов) определена автором как уровень позитивности генерализации восприятия человеком себя и других [Там же].

Опросник «АСБ» состоит из открытых вопросов. Респонденту предлагается охарактеризовать себя и партнера по браку сначала как личностей, затем – как субъектов конфликтного взаимодействия.

Алгоритм обработки результатов следующий.

1. Анализируются *формальные характеристики*: количество слов и характеристик: а) подсчитывается общее количество слов в Протоколе с учетом союзов, предлогов и других служебных слов (по отдельным объектам: о себе, партнере и по обоим объектам вместе); б) подсчитывается количество характеристик, приписываемых респондентом себе и партнеру (в отдельности и вместе).

2. Анализируются *содержательные характеристики*: а) подсчитывается количе-

ство физических, социально-экономических и психологических характеристик, приписываемых себе, партнеру и обоим; чем больше психологических характеристик, тем лучше опрашиваемый понимает и знает описываемых людей, не ограничиваясь лишь внешним их восприятием; б) подсчитывается количество эмоционально-оценочных характеристик в отношении каждого из описываемых объектов: как человека, как субъекта конфликтного взаимодействия и как личности в целом.

Для этого каждой характеристике, данной респондентом, приписывается знак «+» или «-» в зависимости от знака отношения, который имеет в виду опрашиваемый. Если знак не очевиден, то респондента просят уточнить, какой смысл он вкладывает в каждую из подобных характеристик; в крайнем случае данному определению приписываются два знака «±», определяя, таким образом, его амбивалентность.

3. Подсчитывается *уровень позитивной генерализации восприятия* данным субъектом себя и супруга как процентное отношение позитивных характеристик к общему числу характеристик.

Опросник «Ретроспективная рефлексия конфликтов» («РРК») А. И. Ташёвой позволяет системно увидеть особенности конфликтов в супружеской паре [Ташёва, 1987].

Опросник состоит из 17 открытых, закрытых, полужакрытых, контрольных вопросов и вопросов с неограниченным числом возможных выборов. При этом выявляются причины, частота, длительность, особенности вербального (в том числе и атрибутивного) и невербального поведения респондента и его партнера по браку в конфликте; атрибуция ответственности за счастливые дни в браке и за конфликты; время последствий конфликтов; представления партнеров о том, что больше всего обижает каждого из них в конфликтах (как это представляется опрашиваемому), а также – описываются наиболее крупный и типичный (или последний) конфликты.

При обработке результатов подсчитываются показатели основных сфер конфликта: «субъективное пространство конфликта», «ситуативная рефлексия конфликта», «надситуативная рефлексия конфликта» [Ташёва, 1987].

«Субъективное пространство конфликта» – это представление респондентов о

конflikте, которое объединяет четыре показателя ретроспективной рефлексии конфликтов: количество причин (n), частота (d) и время протекания конфликтов (t действ.), длительность конфликтного последствия (состояние дискомфорта после окончания активной ссоры) (t последеств.) Общий показатель субъективного пространства конфликтов (SPK) вычисляется как произведение названных выше показателей.

«Ситуативная рефлексия конфликта» связана с восприятием непосредственной ситуацией ссоры супругов и оценкой поведения каждого в конфликте, с точки зрения опрашиваемого. Показатель ситуативной рефлексии конфликта (SRK) подсчитывается как суммарный результат восприятия субъектом самой ссоры, позиции в конфликте каждого из супругов. При этом позиция «примирения» оценивается «+1» баллом, «выжидательная» позиция – «0» баллов, позиция «агрессии» – «-1» баллом.

«Надситуативная рефлексия конфликта» позволяет видеть перспективы супружества, жизненные планы партнеров по браку, мотивы их поведения. Показатель «надситуативной рефлексии конфликта» (NRK) подсчитывается как суммарный эффект атрибуции ответственности каждого из супругов за «счастье-несчастье» в данной семье. Положительно (+1 балл) оценивается взаимная ответственность, отрицательно (-1 балл) – приписывание ответственности одному из партнеров, нейтрально (0 баллов) – обстоятельственная атрибуция ответственности [Тащёва, 1987].

Фрустрационный тест С. Розенцвейга использовался нами для выявления типичных внешних поведенческих проявлений респондента в супружеских конфликтах. Полагаем, что существующие у личности поведенческие паттерны в отношениях с другими людьми являются достаточно устойчивыми, воспроизводятся, в том числе, и в конфликтах со значимыми людьми.

Нами была изменена стандартная инструкция к тесту С. Розенцвейга: по каждой из 24 предъявляемой респонденту картинке последовательно задавались три вопроса: 1) Что мог бы ответить человек, к которому обращаются? 2) Мог ли он что-нибудь добавить к сказанному? 3) Мог ли он что-нибудь при этом подумать? Если ответ респондента исчерпывался всеми или частью из этих вопросов, то ему предъявлялась следующая

картинка. Ответы респондента на два первых вопроса интерпретировались нами как его внешняя речь (внешняя реакция), ответ на третий вопрос – как его внутренняя речь (внутренняя реакция).

Результаты опроса по тесту С. Розенцвейга анализировались не только традиционным способом, но и способом, предложенным А. И. Тащёвой, которая предлагает расширенную трактовку спектра реакций препятственно-доминантного, самозащитного и упорствующего типов экстра-, интра- и импунитивной направленности [Тащёва, 1994].

Статистический анализ результатов осуществлялся с помощью дескриптивной статистики, теста на определение значимости различий между двумя средними и процентами, U-критерия Манна-Уитни для независимых выборок, однофакторного ANOVA. Компьютерная обработка результатов проводилась по программам Statistica 8.0.

Результаты и их обсуждение

Типы реагирования на фрустрирующие ситуации у респондентов выборки оказались схожими: всем респондентам, в первую очередь, свойственны экстрапунитивные реакции самозащитного типа (E-ED), т. е. в сложных ситуациях респонденты чаще всего ответственность за возникновение проблемы возлагают на других людей. Согласно литературным данным, такая фиксация является вполне адекватной (нормальной) для взрослых людей [Тащёва, 1994]. Уровень социальной адаптации респондентов выборки оказался ниже «нормативных» 50,0 %. Полагаем, что последний показатель объясняется свойственным опрошенным стилем эмоционального реагирования на фрустрирующую ситуацию, который проявляется в избыточной агрессивности, частой констатации факта препятствия и одновременной попытке представить ситуацию как не проблемную; а также – в недостаточной активности субъектов, направленной на продуктивное разрешение проблем.

Уровень социальной адаптации (GCR) респондентов основной группы составляет 43,9 %, количество OD – 35,4 %, ED – 53,65 %, NP – 10,35 %, E – 65,2 %, I – 13,4 % и M – 21,4 %; в контрольной группе GCR – 44,04 %, OD – 42,15 %, ED – 42,6 %, NP – 15,4 %, E – 59,5 %, I – 16,15 % и M – 23,75 %.

Таким образом, «обобщенный портрет респондентов», состоящих в «пробном браке», можно представить следующим образом: уровень социальной адаптации супругов ниже «нормы» (за нормативные приняты значения показателей С. Розенцвейга, выявленные Н. Н. Тарабриной) [Ташёва, 1994]. Абсолютному большинству респондентов в ситуации фрустрации свойственны экстрапунитивные реакции (Е) в ущерб реакциям интрапунитивным (I) и импунитивным (М), недостаточно выраженная позиция действия (NP) и избыточные реакции фиксации на препятствии (OD). Количество самозащитных реакций находится в пределах «нормы» для взрослого человека.

«Обобщенный портрет респондентов», состоящих в официальном браке, характеризуется выраженными препятственно-доминантными (OD) реакциями, преобладанием экстрапунитивных (Е) реакций над реакциями интрапунитивным (I); супруги проявляют недостаточную активность, направленную на продуктивное разрешение проблем (NP). Количество импунитивных (М) реакций находится в пределах «нормы», а самозащитных реакций и уровень социальной адаптации – ниже «нормативных».

Как видно из среднегрупповых портретов, уровень социальной адаптации у респондентов основной и контрольной групп примерно одинаков и ниже нормативного, а значения самозащитного типа реакций ($Z = 5,89$, $p = 0,000001$) и внешнеобвинительных реакций ($Z = 3,69$, $p = 0,000228$) значимо выше у респондентов основной группы по сравнению с респондентами контрольной.

У респондентов контрольной группы наблюдаются статистически более высокие показатели препятственно-доминантного ($Z = -4,50$, $p = 0,000007$) и упорствующего ($Z = -3,86$, $p = 0,000114$) типов реакций, интрапунитивных ($Z = -2,74$, $p = 0,006208$) и импунитивных ($Z = -2,36$, $p = 0,018441$) направленностей реакций.

При сравнении среднегрупповых портретов респондентов в связи с полом выявлено, что мужчины достоверно чаще женщин используют ED-реакции ($Z = 2,62$, $p = 0,009$), E-реакции ($Z = 2,06$, $p = 0,03$); а женщины – OD ($Z = -2,83$, $p = 0,005$) и I-реакции ($Z = -2,65$, $p = 0,008$); уровень социальной адаптации у мужчин и женщин примерно одинаков и достоверно не различается.

Обратимся к более углубленному анализу эмпирических данных – рассмотрим подробнее виды препятственно-доминантных реакций.

Респонденты контрольной группы по сравнению с респондентами основной группы чаще констатируют факт наличия препятствия ($Z = -3,73$, $p = 0,00019$), чаще делают это косвенно ($Z = -3,76$, $p = 0,00017$) («Да уж», «Мне от этого не легче», «Блин, мерзнуть идти!») или недоумевая ($Z = -2,12$, $p = 0,0341$) («Как такое могло произойти?», «Куда же они делись?», «И что мне теперь делать?») и одновременно с этим ($Z = -2,30$, $p = 0,02393$) пытаются представить ситуацию как не проблемную ($Z = -3,54$, $p = 0,00041$), переводя разговор на бессодержательные темы ($Z = -4,12$, $p = 0,00004$).

Респонденты основной группы чаще интерпретируют фрустрирующую их ситуацию как «благоприятно-выгодно-полезную» ($Z = 2,08$, $p = 0,03797$) («Что ни случись, то к лучшему»).

Мужчины основной группы в ситуации препятствия чаще женщин используют интрапунитивные реакции ($Z = 4,30$, $p = 0,00002$), чаще мысленно пытаются приуменьшить трудности ($Z = 2,44$, $p = 0,01454$), а женщины чаще мужчин пользуются косвенными реакциями ($Z = -2,02$, $p = 0,04406$).

Женщины контрольной группы чаще мужчин подчеркивают наличие препятствия ($Z = -2,61$, $p = 0,0091$), чаще делают это во внешней речи ($Z = -3,58$, $p = 0,0003$) и чаще пытаются приуменьшить значимость ситуации ($Z = -2,44$, $p = 0,0147$), переводя разговор на бессодержательные темы ($Z = -2,51$, $p = 0,0122$).

Мужчины в целом чаще используют интрапунитивные реакции препятственно-доминантного типа ($Z = 1,99$, $p = 0,038$), а женщины – экстрапунитивные реакции препятственно-доминантного типа ($Z = -2,44$, $p = 0,0147$), чаще сочетают их с другими реакциями ($Z = -1,99$, $p = 0,0418$), чаще во внешней речи высказывают свою растерянность ($Z = -2,67$, $p = 0,0077$), делая это явно и косвенно.

Результаты анализа видов самозащитных (ED) реакций респондентов выборки указывают на то, что не выявлены значимые различия в реакциях интрапунитивной направленности. При этом респонденты основной группы чаще используют экстрапунитивные

реакции самозащитного типа ($Z = 3,54$, $p = 0,000396$), выражая их обычно во внешней речи ($Z = 4,95$, $p = 0,000001$); обвиняя другого человека, респонденты, как правило, проявляют агрессию косвенно ($Z = 4,61$, $p = 0,000004$) в виде неосознаваемых вербальных реакций ($Z = 2,41$, $p = 0,015899$) («Ну, ведь это не займет много времени!», «Ну, хорошо») или недоверия ($Z = 2,47$, $p = 0,01341$) («Гм, гм...странно, но она ничего мне не говорила»); чаще, чем респонденты контрольной группы, приписывают ответственность за ситуацию обстоятельствам ($Z = 3,36$, $p = 0,000775$) («Это не ее вина, в пробке стоит»). На наш взгляд, доминирование косвенных агрессивных реакций у молодых супругов неофициального брака свидетельствует о том, что они не умеют осознанно, открыто и прямо сообщать партнеру по общению свои мысли и чувства или намеренно воздерживаются от доверительного обсуждения с супругом конфликта по существу.

Анализ особенностей ED-реакций у респондентов основной группы по полу выявил, что мужчины чаще отрицают свою ответственность за конфликтные ситуации ($Z = 2,03$, $p = 0,04199$) и приписывают ответственность обстоятельствам ($Z = 4,44$, $p = 0,00001$). Женщины чаще признают свою ответственность за сложные ситуации ($Z = -2,78$, $p = 0,00543$), делая это «вслух» ($Z = -2,17$, $p = 0,02989$) и «про себя», во внутренней речи ($Z = -2,54$, $p = 0,01098$) («Извините, что-то я сильно расшумелся»; «Надо сбросить скорость, я действительно быстро еду»), чаще ссылаются на извиняющие, смягчающие их вину обстоятельства ($Z = -3,50$, $p = 0,00046$) («Простите, я спешу, мне надо ехать, наверное, я знака не увидел») и чаще высказывают самообвинения «ущербного», самоуничижительного плана ($Z = -1,97$, $p = 0,04841$) («Я такая неуклюжая», «Вот я раззява»).

Анализируя виды ED-реакций супружеских пар, состоящих в официальном молодежном браке, мы установили, что мужчины в целом чаще женщин проявляют агрессию ($Z = 2,22$, $p = 0,0262$), выказывают ее чаще явно ($Z = 2,20$, $p = 0,0281$) и во внешней речи ($Z = 3,69$, $p = 0,0002$), прибегая к оскорблениям ($Z = 2,69$, $p = 0,0071$); эти реакции у них часто повторяются ($Z = 2,84$, $p = 0,0045$), что указывает на повышенную ригидность мужчин в поведенческом плане.

Женщины чаще мужчин используют интрапунитивные реакции самозащитного типа ($Z = -2,07$, $p = 0,0386$).

В целом мужчины выборки более склонны к проявлению агрессии ($Z = 2,54$, $p = 0,0112$): явной ($Z = 2,53$, $p = 0,0115$) и косвенной ($Z = 2,29$, $p = 0,0221$), чаще прибегают к оскорблениям ($Z = 2,89$, $p = 0,0038$), иронизируют ($Z = 2,14$, $p = 0,0327$), приписывают ответственность другим людям чаще во внешней речи ($Z = 3,31$, $p = 0,0009$), они склонны к повторам агрессии ($Z = 2,98,76$, $p = 0,0029$).

Женщины выборки чаще мужчин используют интрапунитивные реакции самозащитного типа ($Z = -3,50$, $p = 0,0005$), делают это, как правило, во внешней речи ($Z = -2,97$, $p = 0,0029$) и чаще пытаются минимизировать свою ответственность ($Z = -2,87$, $p = 0,0041$).

При сравнении респондентов основной и контрольной групп по видам упорствующих (NP) реакций выявлено, что респонденты, состоящие в неофициальном молодежном браке, чаще выражают надежду, что время и нормальный ход событий разрешат проблему ($Z = 2,27$, $p = 0,0233$); а респонденты, состоящие в официальном молодежном браке, исправить ситуацию чаще предлагают другим людям ($Z = -4,03$, $p = 0,0001$), делая это в виде прямых указаний ($Z = -2,13$, $p = 0,0328$) и во внешней речи ($Z = -2,17$, $p = 0,0298$) («Верните мне деньги за проезд»). Они сами стремятся в явной форме ($Z = -4,09$, $p = 0,00004$), во внешней речи ($Z = -3,85$, $p = 0,0001$) исправить ситуацию, признавая свою ответственность или намекая на нее ($Z = -4,34$, $p = 0,00001$) («Я поменяю их на другие часы той же стоимости», «Я уже позвонила и извинилась»).

При сравнении упорствующих реакций мужчин и женщин основной группы было установлено, что они достоверно различаются по сумме экстрапунитивных реакций упорствующего типа ($Z = 3,09$, $p = 0,002$), т. е. мужчины из неофициальных браков чаще женщин требуют, подразумевают или ожидают, что кто-то другой (а не они сами) должен разрешить конфликтную или фрустрирующую их ситуацию.

Сравнительный анализ NP-реакций мужчин и женщин контрольной группы выявил, что мужчины из официальных браков чаще используют импунитивные реакции упорст-

вующего типа ($Z = 1,99, p = 0,04$); а женщины – экстрапунитивные реакции ($Z = -2, p = 0,04$), чаще дают указания другим по поводу исправления ситуации ($Z = -2,51, p = 0,01$) и чаще делают это во внешней речи ($Z = -2,69, p = 0,007$).

Мужчины и женщины выборки достоверно различаются только по проявлению e-NP-реакций во внешней речи ($Z = -2,6, p = 0,009$), что свидетельствует о большем проявлении этого показателя у женщин, чем у мужчин.

Для выявления влияния фактора формы брака на характер реакций в супружеских конфликтах респондентов, состоящих в неофициальном и официальном молодежных браках, был использован однофакторный ANOVA, результаты которого представлены в табл. 1. Вычисленные β -коэффициенты подтверждают результаты дисперсионного анализа.

Выявлено, что фактор неофициального или официального брака достоверно влияет на препятственно-доминантные, самозащитные, упорствующие, экстрапунитивные, интрапунитивные, импунитивные реакции, реакции E-OD, M-OD, косвенные реакции E-ED, E-ED, M-ED, e-NP, i-NP.

Следовательно, супружеские конфликты в «пробном браке» характеризуются, прежде всего, самозащитными и внешнеобвинительными реакциями, адресованными другим людям или объектам внешнего мира,

свою агрессию партнеры часто высказывают в косвенной форме.

Супружеские конфликты в официальном молодежном браке характеризуются преобладанием реакций «фиксации на препятствии», импунитивными (безобвинительными) реакциями, приписыванием ответственности за конфликт себе и позицией действующая, которая выражается в готовности лично продуктивно преобразовать ситуацию либо в требованиях помощи от окружающих.

Обратимся к анализу особенностей восприятия каждым из партнеров супружеских конфликтов («субъективная картина конфликтов») с помощью опросника «РПК» А. И. Ташёвой.

Статистический анализ данных выявил, что среднegrupповое значение «субъективного пространства конфликтов» у респондентов основной группы ($48,43 \pm 8,96$) достоверно выше ($p = 0,04$) аналогичных значений у респондентов контрольной группы ($29,84 \pm 3,09$), т. е. респонденты основной группы значительно тяжелее воспринимают ситуацию супружеских ссор, чем респонденты контрольной группы.

Среднестатистическое значение суммы причин конфликтов в основной и контрольной группах одинаково. Процентное распределение причин супружеских конфликтов у респондентов выборки представлено на рис. 1, из которого видно, что в основной и в контрольной группах существуют три

Таблица 1

Различия респондентов выборки по характеру внешних поведенческих проявлений в ситуации конфликта

Виды реакций	β	Df	F	p
OD	-0,33	189	23,08	0,00001
ED	0,46	189	49,96	0,00001
NP	-0,32	189	21,82	0,00001
E	0,25	189	12,88	0,0004
I	-0,20	189	7,68	0,0061
M	-0,15	189	4,25	0,0407
E-OD	-0,21	189	8,39	0,0042
M-OD	-0,25	189	12,48	0,0005
E-ED (косвенные)	0,33	189	23,37	0,00001
E-ED	0,26	189	14,12	0,0002
M-ED	0,14	189	3,97	0,0478
e-NP	-0,30	189	18,82	0,00001
i-NP	-0,32	189	21,86	0,00001

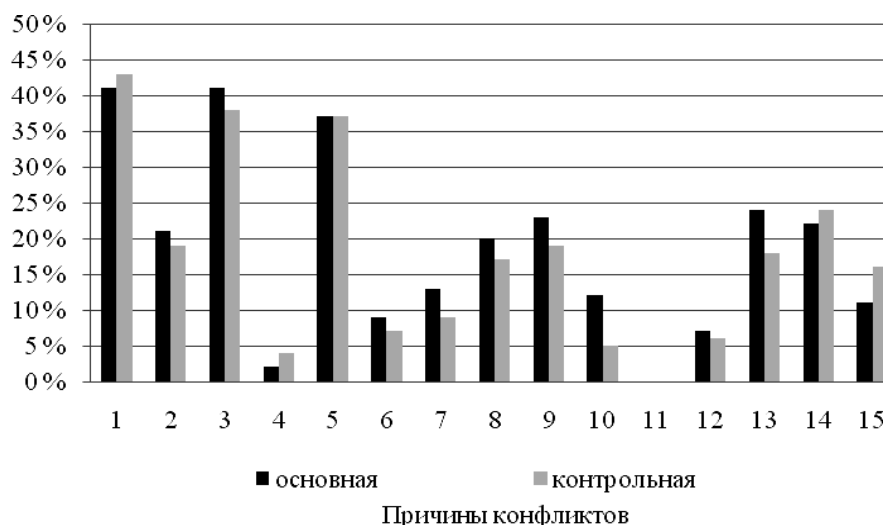

Рис. 1. Диаграмма процентного распределения причин супружеских конфликтов у респондентов выборки: 1) жилищно-бытовые трудности; 2) различное понимание роли супругов в семье; 3) ревность; 4) противоречия в вопросе воспитания детей; 5) непонимание мотивов, желаний, побуждений партнера; 6) неадекватная (заниженная или завышенная) самооценка партнеров; 7) злоупотребление алкоголем; 8) проявления индивидуализма в принятии решений, значимых для пары в целом; 9) материальные трудности; 10) недостаточно высокая культура поведения; 11) отсутствие любви к партнеру; 12) неудовлетворенность в интимно-половой сфере; 13) претензии партнеров на лидерство; 14) недостаточная эмоциональная поддержка партнерами друг друга; 15) отношения с родственниками, друзьями

наиболее часто приводимые респондентами причины конфликтов: жилищно-бытовые трудности, ревность и непонимание мотивов, желаний и побуждений партнера. Значения недостаточной культуры поведения как причины конфликтов достоверно выше в основной группе по сравнению с контрольной ($p = 0,03$). Остальные причины имеют примерно одинаковое процентное распределение в группах.

При рассмотрении причин конфликтов в связи с полом респондентов выявлено, что в контрольной группе количество зафиксированных случаев, указывающих на неудовлетворенность в интимно-половой сфере, достоверно выше ($p = 0,04$) у мужчин (10%), чем у женщин (2%).

Неадекватная самооценка партнера как причина конфликтов достоверно выше ($p = 0,04$) у мужчин основной группы (10%), по сравнению с мужчинами контрольной группы (4%); а значение отношений с родственниками, друзьями в качестве причины конфликтов достоверно выше ($p = 0,0001$) у мужчин контрольной группы (18%) по сравнению с мужчинами основной группы (10%).

Среди женщин основной и контрольной групп различий в процентном отношении причин конфликтов выявлено в два раза больше. Так, жилищно-бытовые трудности и неадекватная самооценка партнера как причины конфликтов называются достоверно чаще ($p = 0,04$ и $0,008$ соответственно) женщинами контрольной группы, а недостаточно высокая культура поведения и претензии партнеров на лидерство достоверно чаще ($p = 0,001$ и $0,002$ соответственно) называются женщинами основной группы.

Данные по частоте конфликтов, времени их протекания и времени конфликтного последствия у респондентов основной и контрольной групп представлены в табл. 2.

Табл. 2 демонстрирует, что чаще всего супружеские конфликты у респондентов основной и контрольной групп возникают раз или несколько раз в месяц. В основной группе достоверно чаще ($p = 0,04$), чем в контрольной, конфликты могут возникать до нескольких раз в сутки.

Длительность супружеских конфликтов у респондентов основной и контрольной групп в основном составляет несколько минут или часов. В контрольной группе по

сравнению с основной конфликты чаще длятся в течение нескольких дней, но данное различие находится на уровне тренда (тенденции).

В среднем время конфликтного последствия в большинстве случаев у респондентов основной и контрольной групп длится несколько минут или часов. Процент респондентов, у которых конфликтное последствие занимает несколько часов, достоверно выше ($p = 0,04$) в контрольной группе, зато в основной группе оно достоверно чаще ($p = 0,01$) длится несколько дней.

Показатели «ситуативной рефлексии конфликта» свидетельствуют, что респонденты основной группы чаще воспринимают свое поведение в ситуации супружеского конфликта как агрессию (40 %) или попытку примирения (37 %); большинство же респондентов контрольной группы указывают, что в конфликте они выбирают позицию примирения (51 %), причем данная позиция у последних достоверно выше позиций агрессии и выжидания ($p = 0,008$ и $0,00001$ соответственно).

Говоря о поведении супруга во время конфликта, респонденты обеих групп часто указывают на агрессию со стороны партнера (основная группа – 51 %, контрольная группа – 46 %). В основной группе восприятие позиции партнера в конфликте как агрессии достоверно выше, чем позиций примирения и выжидания ($p = 0,0003$ и $0,0001$ соответственно). В контрольной группе оценка поведения партнера как агрессивного достоверно выше, чем как выжидательного ($p = 0,00001$).

Мужчины основной и контрольной групп воспринимают свое поведение в конфликте в большей степени как попытку примире-

ния, а поведение партнера – как агрессию. Женщины основной группы оценивают свою позицию в конфликте и позицию партнера чаще как агрессивную; женщины же контрольной группы одинаково часто воспринимают свое поведение в конфликте и поведение партнера как примиренческое или агрессивное.

Независимо от формы брака мужчины в целом чаще занимают позицию примирения, а женщины – агрессии, и различия между этими двумя позициями достоверны ($p = 0,0007$, $0,0001$ в основной группе и $p = 0,005$, $0,008$ – в контрольной).

Анализ показателей «надситуативной рефлексии конфликтов» дал следующие результаты. Оценивая ответственность за взаимоотношения в браке в целом, респонденты основной группы часто приписывают ее усилиям обоих партнеров (48 %) или одного из них (41 %), причем мужчины чаще отдают предпочтение взаимной атрибуции ответственности (52 %), а женщины – субъектной (46 %) и взаимной (44 %) ответственности. У респондентов контрольной группы доминирует атрибуция взаимной ответственности (67 %), причем и мужчины (62 %), и женщины (72 %) склонны к данной атрибуции.

О развитии рефлексии и эмпатии у респондентов основной и контрольной групп мы судили на основании анализа результатов перцептивной компетентности респондентов в восприятии себя и партнера, степени полноты и всесторонности анализа супругами происходящих в семье конфликтов, их умения поставить себя на место партнера по браку, а также – взаимности / односторонности представлений супругов [Ташёва, 1987].

Таблица 2

Частота конфликтов, время их протекания
и время конфликтного последствия у респондентов выборки, %

Группы	Частота конфликтов							Время протекания				Время последствия				
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Основная	3	18	28	37	9	3	2	43	42	14	1	41	35	23	1	
Контрольная	4	16	26	46	7	0	1	46	47	7	0	42	47	11	0	

Примечания. Частота конфликтов: 1) раз в год; 2) несколько раз в год; 3) раз в месяц; 4) несколько раз в месяц; 5) раз в сутки; 6) несколько раз в сутки; 7) практически постоянно. Время протекания: 8) несколько минут; 9) несколько часов; 10) несколько дней; 11) неделями. Время конфликтного последствия: 12) несколько минут; 13) несколько часов; 14) несколько дней; 15) неделями.

Респонденты обеих групп показали себя более компетентными при описании «признаков готовности» к конфликту партнера по браку (основная группа – 93 %, контрольная – 94 %), чем собственных поведенческих проявлений (основная группа – 74 %, контрольная – 87 %). Данная тенденция прослеживается у мужчин и женщин основной и контрольной групп.

Описывая свои и партнера по браку предикторы (предшественники, предсказатели) готовности к конфликту, респонденты прежде всего указывают на невербальные признаки: «Это можно определить даже по взгляду и интонации», «По недоброму выражению лица», «Не смотрит в мою сторону» и т. д. Однако респонденты обеих групп показали не достаточно развитое умение «расшифровывать» невербальную экспрессию друг друга: в основной группе, по сравнению с контрольной, отмечается меньшая степень перцептивной компетентности в отношении себя, что выражается в незнании респондентами собственных особенностей невербального поведения.

Сказанное, несомненно, свидетельствует о недостаточно эффективном взаимодействии респондентов из «пробных» семей: ведь В. А. Лабунская отмечает, что умение управлять эмоциональной экспрессией и интерпретировать ее является необходимым условием взаимодействия [Лабунская, 1986].

Респонденты выборки достаточно глубоко, полно и всесторонне анализируют типичные и крупные конфликты, свои и партнера по браку чувства и переживания, однако анализ взаимности восприятия супругами особенностей супружеских конфликтов выявил, что в 63 % случаев имеет место не совпадение того, каким один из партнеров видит себя и свое поведение и каким он и его поведение видятся супругу. То же касается и феномена эмпатии; выявилось, что в контрольной группе отмечается более низкий уровень совпадений в понимании чувств и переживаний партнера по браку, чем в основной. Например, муж, отвечая на вопросы «Что больше всего обижает Вас (Вашего партнера) в супружеских отношениях?», пишет, что его обижают «обидные слова со стороны жены», тогда как супруга полагает, что мужа больше всего обижает ее непунктуальность; и, наоборот, жена отмечает, что ей обиднее всего то,

что стало «меньше комплиментов и внимания» в ее адрес, тогда как муж считает, что его супруга «всем более чем довольна».

Полагаем, что это может быть обусловлено как минимум несколькими причинами: во-первых, личностными особенностями супругов официального брака; во-вторых, партнеры официального брака нередко ошибочно полагают, что потребность в понимании супруга становится избыточной, когда брак официально оформлен, когда «все уже свершилось и он / она никуда не денется» и т. д.

При исследовании наличия зависимости между характером восприятия супружеских конфликтов и формой брака (однофакторный ANOVA) была выявлена зависимость между «субъективным пространством конфликтов» ($F = 3,99, p = 0,04$), «надситуативной рефлексией конфликтов» ($F = 6,02, p = 0,01$), перцептивной компетентностью в понимании себя ($F = 5,48, p = 0,02$) и формой брака. Установлено, что молодым супружеским парам, состоящим в неофициальном браке, свойственны более высокие показатели «субъективного пространства конфликтов» ($\beta = 0,15, p = 0,04$), более низкие показатели «надситуативной рефлексии конфликтов» ($\beta = -0,17, p = 0,01$) и перцептивной компетентности в понимании себя ($\beta = -0,16, p = 0,02$).

При анализе данных по опроснику «АСБ» А. И. Ташёвой статистически значимых различий между формальными и содержательными характеристиками атрибуции в основной и контрольной группах не выявлено. Основное содержание атрибуции в супружеских конфликтах в отношении партнера вне зависимости от формы брака и пола составляли атрибуции психологического характера; физические и социально-экономические характеристики использовались респондентами только при описании партнера вне конфликтной ситуации, что соответствует данным, полученным А. И. Ташёвой для стабильных супружеских пар [Ташёва, 1987].

Респонденты основной и контрольной групп обоего пола, описывая себя как субъектов конфликтного взаимодействия, использовали 45,6 и 45,3 % (соответственно) положительных характеристик, что, по мнению автора методики, соответствует средней позитивности самовосприятия. Партнер по браку в конфликтных обстоятельствах

описывается респондентами достоверно ($p < 0,01$), гораздо менее позитивно (31,9 и 36,1 % соответственно) [Ташёва, 1987].

В основной группе мужчины воспринимают себя в конфликте достоверно более позитивно ($p = 0,04$), чем женщины (54 и 37 %).

Анализ общих характеристик аутоперцепции и восприятия партнера по браку показал, что в основной и контрольной группах уровни позитивной генерализации восприятия себя и партнера достоверно не различаются (в основной группе – 55 и 48 %; в контрольной – 56 и 52 % соответственно). Однако у мужчин уровень позитивной генерализации при восприятии партнера в целом достоверно ниже ($p = 0,04$), чем у женщин (в основной – 44 и 52 %; в контрольной – 43 и 53 % соответственно).

Выводы

1. Супружеские пары, состоящие в неофициальном и официальном молодежных браках, статистически значимо различаются по характеру внешних поведенческих проявлений в супружеских конфликтах. Конфликты в неофициальном браке характеризуются высокими значениями самозащитной реакции у обоих супругов. При этом неофициальным супругам чаще оказываются свойственны внешнеобвинительные реакции, адресованные другим людям или объектам внешнего мира, свою агрессию эти партнеры чаще всего высказывают в косвенной форме. Конфликты в официальном браке характеризуются преобладанием реакций «фиксации на препятствии», импунитивными (безобвинительными) реакциями, приписыванием ответственности за конфликты себе и позицией действия,

которая выражается в готовности лично продуктивно и позитивно преобразовать ситуацию либо в требованиях помощи от окружающих.

2. Супружеские пары, состоящие в неофициальном и официальном молодежных браках, различаются по характеру восприятия («субъективной картине конфликта») супружеских конфликтов. «Субъективная картина конфликта» в неофициальном браке по сравнению с парами официального брака характеризуется более высокими показателями «субъективного пространства конфликтов», более низкими показателями «надситуативной рефлексии конфликтов» и перцептивной компетентности в отношении самих себя.

Список литературы

Лабунская В. А. Невербальное поведение (социально-перцептивный подход). Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1986. 135 с.

Обозов Н. Н., Обозова А. Н. Диагностика супружеских затруднений // Психологический журнал. 1982. Т. 3, № 2. С. 147–151.

Ташёва А. И. Атрибутивные процессы в супружеских конфликтах: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1987. 172 с.

Ташёва А. И. Методические рекомендации к спецкурсу «Психологические проблемы семьи». Ростов н/Д: Изд-во Рост. гос. ун-та, 1994. Ч. 3: Методика С. Розенцвейга. 10 с.

Трапезникова Т. М., Иванова Е. П. Психологические и социально-психологические факторы, определяющие семейную конфликтность // Семья и личность. М., 1981. С. 209–212.

Материал поступил в редколлегию 13.07.2009

A. I. Taschyova, S. N. Frondzey

MARITAL CONFLICTS IN UNOFFICIAL YOUTH MARRIAGE

Comparison of official and unofficial youth marriages. It's been determined, that partners in unofficial marriage manifest more aggression, which they tend to do in indirect form due to greater ambiguity of these marital relationships and apprehension of unsanctioned termination of given relationship by one of the partners. Compared to that, aggression of spouses in official marriage is lower and is manifested in a more direct way: evidently and verbally. Partners in unofficial marriage percept marital conflicts subjectively as more difficult, considering them as more private and believe the time of conflict after action to be longer, than it is.

Keywords: unofficial marriage, «trial marriage», marital conflicts, «subjective conflict image».